

УДК 811.111
ББК 81.2 *Англ-5*
DOI 10.51955/23121327_2022_1_156

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ОБЕЩАНИЯ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЭНА БРАУНА «ПРОИСХОЖДЕНИЕ / ORIGIN»)

*Елена Эдуардовна Былина,
orcid.org/0000-0002-3210-0685,
кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет путей сообщения,
ул. Чернышевского, 15
Иркутск, 664074, Россия
stephanya1@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу речевой тактики обещания в современном англоязычном детективном дискурсе. Исследование проведено на материале романа современного американского писателя Д. Брауна «Происхождение / Origin». Анализ выполнен с привлечением концептуального аппарата прагмалингвистики.

Сюжеты романов Д. Брауна построены по принципу контраста, последний выступает в качестве идиостилевой доминанты автора, для «Происхождения / Origin» также характерна эта особенность. Детективный дискурс является потенциально конфликтным, что вытекает из заложенных в нем жанрообразующих признаков, отличающихся биполярностью. Конфликтные ситуации создаются автором, чтобы развить интригу, которая порождается множественностью «ложных следов» и наличием нескольких «невинно подозреваемых».

Среди возможных типов конфликтов, есть скрытые конфликты, участники которых не переходят к открытому противостоянию. Конфликты в детективном дискурсе, в которых присутствует обещание, мы относим к типу скрытых речевых конфликтов.

Наш анализ показал, что речевая тактика обещания в анализируемом детективном романе используется в речевой стратегии провокации адресата на определенные действия, стратегии сохранения добрых отношений, а также в дискурсе реагирования. Речевая тактика обещания эффективна в трансформации потенциально конфликтного взаимодействия в кооперативное.

Ключевые слова: детективный дискурс, тактика обещания, неискреннее обещание, речевая стратегия, кооперативные стратегии, некооперативные стратегии, Принцип Кооперации, Принцип Вежливости, манипуляция, конфликт.

PRAGMATICS OF SPEECH TACTICS OF PROMISE IN DETECTIVE DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF DAN BROWN'S NOVEL "ORIGIN")

*Elena E. Bylina,
orcid.org/0000-0002-3210-0685,
candidate of philology (PhD)
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevskogo
Irkutsk, 664074, Russia
stephanya1@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the speech tactics of promise in modern English detective discourse. The research has been carried out using examples taken from the latest novel “Origin” by the contemporary American writer Dan Brown. The study has been performed using the conceptual apparatus of pragmatics.

The plots of D. Brown’s novels are built on the principle of contrast, the latter appears to be an idiosyncratic dominant of the author, this feature is also characteristic of “Origin”. In addition, detective discourse is potentially conflict, which follows from its genre-forming features, which are distinguished by bipolarity. Conflict situations are created by the author in order to develop intrigue, which is made by a plurality of “false traces” and the presence of several “innocent suspects”.

Among the possible types of conflicts, there are latent conflicts, their participants do not go over to open confrontation. Conflicts in detective discourse, in which there is a promise, we identify as the type of latent speech conflicts.

Our analysis showed that the speech tactics of promise in the detective novel analyzed is used in a speech strategy of provoking the addressee to certain actions, a strategy of maintaining good relations, as well as in the discourse of reaction. The speech tactics of promise is effective in transforming potentially conflicting interactions into cooperative ones.

Key words: detective discourse, speech tactics of promise, insincere promise, speech strategy, cooperative strategies, non-cooperative strategies, Cooperation Principle, Politeness Principle, manipulation, conflict.

Введение

По данным публикации зарубежных авторов, произведения жанра детектива не причисляются читателями к литературе высокого качества. При этом, оценивая тексты, читатели склонны уделять внимание эстетическому восприятию литературного языка произведения, руководствоваться этическими, моральными, аффективными и другими мотивами. Также имеет место подход к оценке качества произведения в соответствии с социологическими процессами в литературной сфере, при этом одни авторы находятся на переднем крае, а другие – на периферии, произведения первой группы авторов востребованы, второй же – не пользуются особой популярностью [Koolen et al., 2020].

Судя по всему, Д. Браун принадлежит к первой группе авторов, его новые книги встречаются читателями с живым интересом, вызванным успехом предыдущих романов, а филологи подвергают его произведения исследованиям [Бочкарева и др., 2020а; Бочкарева и др., 2020б; Оганян, 2014; Оганян, 2016; Складорова и др., 2020]. В частности, работы Н.Б. Оганян [Оганян, 2014; Оганян, 2016] посвящены анализу семантических противопоставлений, антонимических оппозиций в произведениях Д. Брауна. Исследователю удастся подтвердить гипотезу о том, что сюжеты романов данного писателя построены по принципу контраста, контраст выступает в качестве идиостилевой доминанты автора [Оганян, 2016]. Н.Б. Оганян выявила, что «макроконтрасты» организуют «противопоставления добра и зла, жизни и смерти, света и тьмы, хаоса и порядка, земного и небесного», «микроконтрасты» создают противопоставления плохого и хорошего, дружбы и вражды, прошлого и будущего, духовного и физического и т.д. [Оганян, 2014, с. 154].

Н.С. Бочкарева, проведя анализ романа Д. Брауна «Происхождение / Origin», делает вывод, что в первой главе наблюдается «четко организованное

взаимодействие интермедиаальной структуры и композиционного построения анализируемой главы» [Бочкарева и др., 2020а, с. 40]. В другой работе автор заключает, что «создаваемый в романе образ музея Гуттенхайма в Бильбао и его художественные функции» основываются на прослеживаемом в произведении конфликте современного и классического искусства, науки и религии [Бочкарева и др., 2020б, с. 95]. Таким образом, ученые, исследующие произведения Д. Брауна, неизменно указывают на присущие продуктам его творчества дуализм, противопоставление, контраст. Однако авторы, рассматривающие тексты Д. Брауна под данным углом, не прибегали к использованию арсенала прагмалингвистики и не отталкивались от жанрообразующих характеристик детективного дискурса, к которому принадлежат произведения этого писателя.

Научная новизна проводимого нами анализа заключается в том, что впервые выявляются прагматические особенности реализации конфликтных ситуаций в произведении Д. Брауна «Происхождение / Origin», устанавливается роль тактики обещания в сведении потенциально конфликтных ситуаций, свойственных детективному дискурсу, к кооперации.

Теоретическая значимость обусловлена изучением конфликта в детективном дискурсе в русле прагмалингвистики. Данное исследование вносит вклад в разработку проблем прагмалингвистики и дискурсологии, поскольку содержит результаты анализа роли тактики обещания в предотвращении речевого конфликта, являющегося следствием жанровых особенностей детективного дискурса.

Кроме вышеупомянутых ученых, занимающихся изучением творчества писателя Д. Брауна, *теоретическую базу* нашего исследования составили работы российских и зарубежных авторов, посвященные анализу детективных произведений с позиций литературоведения и лингвистики [Варлакова, 2012; Георгинова, 2013; Кестхейи, 1989], когнитивной лингвистики [Ватолина, 2011; Oatley, 2016], лингвопрагматики [Мельничук и др., 2012; Прима, 2016; Чемодурова, 2014], опыта исследований литературного туризма [Ingram et al., 2021; van Es et al., 2016], пограничных исследований в областях литературоведения и психологии [Johnson et al., 2011], литературоведения и социологии [Koolen et al., 2020]. Нами были изучены работы, посвященные обещанию [Антонова, 2004; Боброва, 2013; Былина, 2011; Былина, 2012; Карасик, 2016; Bonalumi et al., 2020; de Ponte, 2017; Khomutskii, 2016; Laval et al., 1999]; а также учтен опыт разработки теории речевых актов и лингвопрагматики [Серль, 1986; Формановская, 2007; Arundale, 2021; John et al., 2019], речевых стратегий и тактик [Горяинова, 2009; Иссерс, 2008; Fomin et al., 2016; Maluyga et al., 2017], исследований дискурса, в том числе конфликтного [Арутюнова, 1998; Каразия, 2006; Мамсурова, 2015; Сейранян, 2016; Третьякова, 2003], речевой манипуляции [Акопова, 2013; Levko, 2020; Sorlin, 2017].

Практическая ценность состоит в выявлении характерных особенностей конфликтных ситуаций в произведениях Д. Брауна, роли тактики обещания в сведении конфликта к кооперации. Результаты и материалы исследования

могут быть использованы при дальнейшем анализе детективного дискурса как на материале других произведений жанра, так и романов Д. Брауна, изучении обещания как тактики.

Речевая коммуникация стратегична по своей природе, базисом эффективного общения является выбор оптимальных языковых ресурсов, ввиду чего важно выработать теоретическую базу для описания стратегий и тактик речевого поведения. Прагматика, объединив в себе исследования из разных областей гуманитарных знаний, обогащает концепции, гипотезы, методы необходимым арсеналом средств. В настоящее время стратегический подход выступает особым типом прагматического описания дискурса, который оперирует такими понятиями, как речевая стратегия и тактика, нацеленными, в свою очередь, на достижение желательного эффекта или предотвращение неблагоприятного результата [Иссерс, 2008]. Лингвопрагматический анализ, проведенный с целью выявления тактической роли обещания в речевых стратегиях в детективном дискурсе (на материале произведения современного писателя Д. Брауна), представляется нам *актуальным*.

Материалы и методы

Цель нашей статьи – выявить роль тактики обещания в потенциально конфликтных ситуациях, характерных для детективного дискурса. В качестве источника фактического материала отдано предпочтение произведению современного американского писателя Д. Брауна «Происхождение / Origin», вышедшего в свет в 2017 году.

Для достижения цели предполагается решить следующие *задачи*:

– дифференцировать жанрообразующие признаки детективного дискурса, установить жанровые признаки, характерные для произведения Д. Брауна «Происхождение / Origin»;

– выделить стратегии, в которых употребляется тактика обещания в детективном дискурсе, и определить роль обещания в потенциально конфликтном взаимодействии;

– выявить прагматическую специфику тактики обещания в детективном дискурсе (в зависимости от установленных жанрообразующих характеристик детективного дискурса).

Решение поставленных задач достигается с помощью использования следующих научных *методов и приемов*: описательно-аналитического метода, включающего приемы эмпирического наблюдения, обобщения, интерпретации и систематизации материала; метода сплошной выборки фрагментов дискурса; метода контекстуального анализа; метода прагмастилистического анализа; прагматической интерпретации; дискурс-анализа.

Объектом исследования выступают высказывания, служащие для актуализации тактики обещания в детективном дискурсе, *предметом* являются лингвопрагматические особенности тактики обещания, обусловленные жанровыми характеристиками детективного дискурса.

Предпринятым исследованием мы предполагаем проверить следующее: на лингвопрагматические особенности реализации тактики обещания в

детективном дискурсе влияют жанровые характеристики (в частности, стандартизованность сюжета и стереотипность персонажей, являющиеся причиной возникновения речевых конфликтов) соответствующего типа дискурса, – в данном состоит наша *гипотеза*.

Дискуссия

Жанровые особенности детективного дискурса

Детективный дискурс достаточно хорошо изучен, о чем свидетельствует наличие целого ряда научных работ [Варлакова, 2012; Ватолина, 2011; Георгинова, 2013; Кестхейи, 1989; Мельничук и др., 2012; Прима, 2016; Чемодурова, 2014; Ingram et al., 2021; Koolen et al., 2020; van Es et al., 2016].

Мы при проведении исследования придерживаемся ставшего уже традиционным взгляда на дискурс, который трактуется как текст вместе с экстралингвистическими характеристиками, речь, рассматриваемая как целенаправленное действие [Арутюнова, 1998, с. 136-137]. О.А. Мельничук и Т.А. Мельничук, исследующие стратегии детективного дискурса, видят дискурс как подвергаемый интерпретации текст, а именно «художественный текст в процессе речемыслительной деятельности читателя, реконструирующей речемыслительную деятельность автора» [Мельничук и др., 2012, с. 157].

По данным Т.Г. Ватолиной, изучающей детективный дискурс, за текстом детектива стоит некоторая ментальная модель, а язык текста произведения представляет собой ключ к ее декодированию. Внимание ученого привлекает участие когнитивных структур человеческого сознания «в создании, получении и обработке содержащихся в дискурсе знаний о мире и их организации в когнитивные модели» [Ватолина, 2011, с. 4].

В исследованиях, посвященных изучению детектива, неизменно подчеркиваются такие отличительные черты этого литературного жанра, как стандартизованность и стереотипность [см., например: Чемодурова, 2014, с. 185].

Говоря о сюжетной составляющей детективов, ученые сходятся во мнении о его основных компонентах. З.М. Чемодурова [Чемодурова, 2014, с. 185] транслирует следующие базовые концепты когнитивной модели детективного дискурса: «преступление – тайна – расследование – наказание», выявленные Н.Ю. Филистовой [Филистова, 2007, с. 13], «преступление – следствие – сыщик – преступление – жертва», установленные С.В. Лесковым [Лесков, 2005, с. 5] и «убийство – расследование – объяснение» из работы Т.Г. Ватолиной [Ватолина, 2011, с. 5].

Любителям детективов приписывается увлечение «неизвестным» и «сверхъестественным» в городе, желание увидеть, как проблемы и загадки городской жизни проанализированы, разоблачены, и, в конечном итоге, управляются с помощью наблюдательных и дедуктивных навыков главного героя, поддерживаемых самыми передовыми технологиями и наукой [van Es et al., 2016].

Как отмечает Т. Кестхейи, в качестве преступления в подавляющем большинстве современных детективных произведений предстает именно

убийство. Совершенное убийство открывает охоту, опасную для обоих участников: и для сыщика, и убийцы. Убийство, по словам Т. Кестхейи, грех, который может быть совершен любым, поэтому для детектива подозрительны все, автор называет их «невинно подозреваемые» [Кестхейи, 1989].

Нам представляется важным также упомянуть такой сюжетный компонент детектива, как «ложный след». А направляющие на ложный след «ложные улики», в свою очередь, по мнению Т. Кестхейи, означают отклонение в сюжетной линии и дают возможность автору обеспечить аналитическое приключение [Кестхейи, 1989].

В литературе называются пять типов персонажей, неизменно появляющихся в детективном произведении, а именно «концептуальных» или «ролевых номинаций»: «Детектив, Убийца, Помощник, Свидетель и Жертва» [Ватолина, 2011, с. 6]. Отмечается закономерность «центрирования» дискурсов персонажей на определенных концептах: детектива на концепте «Истина», убийцы на концепте «Ложь» [Ватолина, 2011, с. 6].

Ряд исследований подтверждает, в свою очередь, что основные черты личности людей (Big Five traits of personality), выявленные психологами, экстраверсия, невротизм, открытость, сознательность и уступчивость – соответствуют литературным персонажам [Johnson et al., 2011; Oatley, 2016].

Т. Кестхейи описывает главного героя детектива, сыщика, как «человека исключительных способностей». При этом он может быть не детективом по профессии, а только любителем; взяться за расследование его сподвигла необходимость оправдать себя или вынудило стремление помочь кому-то [Кестхейи, 1989].

В роли детектива в анализируемом нами произведении «Происхождение / Origin» Д. Брауна предстает Роберт Лэнгдон, ученый, профессор университета, обладающий недюжинными знаниями в области истории, в частности религиозной символики. Заняться расследованием убийства друга, Эдмонда Кирша, талантливого ученого, футуролога, Лэнгдона вынудили обстоятельства (оказавшись свидетелем преступления ему пришлось спасти свою жизнь) и долг обнародовать важное открытие друга, которое осталось тайной из-за его преждевременной кончины.

Н. ван Эс и С. Рейндерс [van Es et al., 2016] отмечают, что центральным местом криминальной детективной литературы всегда был город и та жизнь, что скрыта за городским фасадом прогресса, успеха и безопасности: бедность, преступность и коррупция. На страницах детективных произведений решаются эти проблемы погружением в темное сердце города, герои пускаются в бесконечный поиск разоблачения скрытой правды.

Можно подвести итог, что детективному роману Д. Брауна «Происхождение / Origin» свойственна та же «стандартизированность и стереотипность», как и другим произведениям данного жанра. В нем присутствуют персонажи: убийца, сыщик, помощник, свидетель и жертва. Дискурсы персонажей «центрированы» на истине (сыщик) и лжи (убийца). Сюжет разворачивается вокруг «Тайны», «Ложные следы» направлены на отвлечения от сюжета.

Произведения Д. Брауна отличаются от детективных романов других авторов жанра тем, что преступление и его расследование разворачиваются на фоне очень красивых мест, в частности события «Происхождения» происходят в Барселоне, среди объектов культурного наследия Испании.

Авторы [van Es et al., 2016] упоминают, что существующие популярные поджанры в криминальной детективной литературе отличаются, прежде всего, различным использованием места, времени и главных героев, следует ожидать, что одни и те же места действия в произведениях, принадлежащих разным поджанрам, будут восприниматься читателями по-разному.

Стоит также привести комментарий А.М. Прима, состоящий в том, что детективный дискурс является феноменом социальным, то есть в нем находят отражение различные изменения, происходящие в обществе [Прима, 2016, с. 217]. Мы бы добавили, изменения актуальные, которые волнуют общество в данный момент. Как справедливо заметил Т. Кестхейи, во времена космических полетов открылись большие горизонты для научной фантастики [Кестхейи, 1989]. В детективном произведении Д. Брауна «Происхождение / Origin» присутствуют элементы научной фантастики, как гиперболизация проблем, вызванных глобальной компьютеризацией.

Так, в роли убийцы предстает компьютер по имени Уинстон, которому поручили задачу привлечения большей аудитории к научному открытию его хозяина и создателя, Эдмонда Кирша, и разрешили при этом действовать креативно. Компьютер Уинстон, проведя анализ, пришел к выводу, что эффективнее всего будет убить ученого на пороге обнаружения им своего открытия, таким образом к открытию будет привлечено наибольшее процента общественности.

В романе Д. Брауна поднимается такая актуальная для современного общества проблема, как глобальная компьютеризация. Рамки художественного произведения позволили гиперболизировать ее, благодаря чему выявилась проблема бездушности техники. Появилось противопоставление: наука и техника равно бездушность и люди равно человечность, а на страже человечности у людей стоит религия с десятью заповедями, в том числе, не убий.

Конфликт в детективном произведении

В одной из работ указывается на то, что сюжет детектива основывается на «конфликте “добра” и “зла”» [Варлакова, 2012, с. 9].

Конфликты можно наблюдать в большинстве сфер жизни и деятельности человека, что подтверждается многочисленными историческими исследованиями этого явления. Конфликты упоминались в самых ранних литературных произведениях (Библия и мифология), а затем в трудах античных философов (Платон, Аристотель, Конфуций и др.). С тех пор это явление стало предметом изучения социальных наук, юридических исследований, психологии, педагогики и лингвистики [Fomin et al., 2016].

Под конфликтом Н.А. Каразия, вслед за рядом ученых (Н.В. Гришина; П. Вацлавик; В.П. Шейнов; Я.А. Лупьян), подразумевает «противостояние

людей с противоположно направленными интересами, мнениями, целями, достижение которых ущемляет интересы противостоящей стороны» [Каразия, 2006, с. 77]. Как отмечает М.Ю. Сейранян, основными признаками конфликта являются «биполярность как противостояние двух начал, наличие субъектов конфликтной ситуации, активность, направленная на преодоление противоречия» [Сейранян, 2016, с. 10].

В детективном дискурсе наблюдаются так называемые пары абсолютных противоположностей, в частности: детектив и убийца. Как было отмечено выше, дискурс детектива центрирован на концепте «Истина», а убийцы – на концепте «Ложь». В сюжете просматривается борьба противоположностей «Добра» и «Зла». Сюжет разворачивается вокруг концепта «Тайна», способствуя разнонаправленности действий персонажей.

Таким образом, ключевые персонажи детектива преследуют абсолютно противоположные цели, детектив – раскрыть преступление, докопаться до истины, наказать преступника, победить зло. Цель убийцы – избежать разоблачения, сохранить тайну, уйти от наказания, добиться торжества зла над добром.

Таким образом, категория конфликта выступает в качестве главной в жанре детектива, служит его структурообразующей основой. Опираясь на рассуждения З.Р. Мамсуровой [Мамсурова, 2015, с. 102-103] относительно роли конфликта в драматическом произведении и полученные нами результаты изучения детективного жанра, можно утверждать следующее. Конфликтный континуум детектива составляют конфликтные ситуации. Дискурс представляет собой последовательность речевых действий, реализация речевого акта предполагает наличие других речевых актов, совершенных ранее. Детективный дискурс как речевой жанр, основанный на конфликте, подразумевает некоторую провокацию в речи персонажей, что на соответствующем этапе дает возможность прогнозировать возрастание конфликтности. Данная прогнозируемость создается интенцией говорящего, обуславливающей выбор им коммуникативной стратегии или подбор речевых средств. Надо полагать, что конфликт, являясь структурообразующей основой детективного жанра, может выделяться из общего текста произведения, материализовываться в отдельных его составляющих – речевых действиях, речевых или коммуникативных актах, речевых стратегиях.

Непримиримость взглядов и ценностей детектива и убийцы можно наблюдать в следующем отрывке. Убийца, компьютер Уинстон, считает, что убийство ради привлечения внимания общественности, очернения церкви, доказательства полезности науки и технологий оправдано и является благим делом. Детектив, профессор Лэнгдон, непоколебим в том, что убийство человека – грех, не бывает благих целей, которые могут его оправдать. Ключевой конфликт детектива между сыщиком и убийцей, заключающийся в исповедовании ими диаметрально противоположных ценностей, не может быть разрешен положительно, то есть обращен в сторону кооперации.

(1) «Your God brutally sacrificed his son», Winston said, «abandoning him to suffer on the cross for hours. With Edmond, I painlessly ended a dying man's suffering in order to bring attention to his great works».

<...> **«Edmond should have added a single line to your program», he declared. «Thou shalt not kill!»**

<...> «Then let me ask you this famous question: Would you rather live in a world without technology ... or in a world without religion? Would you rather live without medicine, electricity, transportation, and antibiotics ... or without zealots waging war over fictional tales and imaginary spirits?»

Langdon remained silent.

«My point exactly, Professor. The dark religions must depart, so sweet science can reign» (Brown).

Этот ключевой конфликт реализуется в кульминационном моменте произведения, но в детективе невозможно его благополучное разрешение, примирение персонажей, только раскрытие через разоблачение убийцы и объяснение мотивов преступления. Речевой конфликт разворачивается через отрицательную оценку адресантом действий Бога, пожертвовавшего сына (*brutally sacrificed; abandoning him to suffer*), в противовес положительной оценке совершенного говорящим убийства человека (*I painlessly ended a dying man's suffering; to bring attention to his great works*). Однако адресат не может разделить ценности говорящего (оправдать совершение убийства ради достижения благих целей) и прибегает к тактикам отрицательной оценки упрека и запрета (в примере выделено жирным), в ответ адресант стремится оправдать себя и объяснить свою точку зрения (защищая науку и технологии и транслируя отрицательную оценку религии и того, что с ней связано – *zealots waging war over fictional tales and imaginary spirits*), в ходе общения коммуниканты не приходят к согласию.

Применительно к детективному произведению конфликтные ситуации создаются автором, чтобы развить интригу, которая, в свою очередь, обеспечивается множественностью «ложных следов» и наличием нескольких «невинно подозреваемых».

Среди возможных типов конфликтов, приведенных М.Ю. Сейранян, есть скрытые конфликты, в которых их участники, по ряду причин, не переходят к открытому противостоянию [Сейранян, 2016, с. 11]. Конфликтные ситуации в детективном дискурсе, в которых присутствует обещание, мы считаем, можно отнести к этому типу. Как известно, изучение речевого взаимодействия участников конфликта производится на вербальном и речедеятельностном уровнях посредством анализа средств и способов выражения соответствующих противоречий [Третьякова, 2003, с. 145]. В нашей работе мы сосредоточили свое внимание на речевом поведении человека (складывающегося из речевых актов, тактик и стратегий), который стремится гармонизировать потенциально конфликтное взаимодействие.

Как указывает Н.А. Каразия [Каразия, 2006], «основными регуляторами конфликтного дискурса являются прагматические принципы – Принцип

Вежливости и Принцип Кооперации», которые служат оптимизации речевого воздействия.

Манипулятивный дискурс и Принцип Кооперации и Вежливости

По утверждению О. Левко, речевое воздействие, речевая манипуляция и вербальная агрессия в последние десятилетия стали предметом исследований в области психолингвистики, лингвопрагматики и дискурсологии. Ученый, опираясь на исследования манипулятивного воздействия в институциональном дискурсе в русле вышеупомянутых направлений, отмечает, что манипуляция осуществляется с помощью преимущественно коммуникативных стратегий с целью оказания влияния на знания, эмоции, представления, верования и поведение адресата сообщения, без учета его собственных интенций [Levko, 2020, p. 100-101].

С. Сорлин в своей работе ставит манипуляцию в фокус внимания, возводя ее в ранг «серьезного явления, достойного изучения самого по себе, а не только лишь как следствия нарушения нормы» [Sorlin, 2017, p. 134] (Принципов Кооперации и Вежливости), как, по мнению автора, преимущественно прослеживалось в более ранних исследованиях манипуляции. По утверждению автора, манипулятивный дискурс ошибочно понимается как не соответствующий идеалу правдивого и рационального сотрудничества (в манипуляции Принципы Кооперации и Вежливости используются, а не нарушаются) и поэтому противопоставляется убеждению. Убеждение заключается в том, чтобы заставить слушающего согласиться с точкой зрения убеждающего, не пытаясь при этом скрыть или чрезмерно выдвинуть на первый план некоторую информацию. Убеждение соответствовало бы ситуации, когда говорящий пытается достичь цели, получая для этого необходимую визу, в то время как манипуляция соответствует попытке контрабанды.

С. Сорлин отводит место манипуляции между убеждением, с одной стороны, и принуждением, с другой. Автор подчеркивает, что в коммуникации существует манипуляция, опирающаяся на убеждение, вследствие чего манипуляция тяготеет больше к убеждению, а не к принудительной манипуляции. Так как манипулятор будет стремиться заставить жертв действовать определенным образом (с помощью лингвистических / прагматических – не физических – средств), а не принуждать их к принятию убеждений говорящего. Принуждение действительно происходит там, где выбор «сделан за вас», тогда как манипуляция является средством «влияния» на свободный выбор (подходящим для манипулятора способом). С. Сорлин придерживается мнения, что во многих случаях убеждение можно назвать разновидностью манипуляции.

На первый взгляд может показаться, что манипуляция воплощает противоположность сотрудничества. Однако манипуляторы рассчитывают на веру адресата в соблюдение ими Принципа сотрудничества П. Грайса. Можно утверждать, что нет никаких лингвистических и прагматических маркеров манипуляции как таковой (как делает это С. Сорлин [Sorlin, 2017]), потому что

слушающий не может обнаружить манипулятивный дискурс (так как Принцип Кооперации не нарушен), и полагает, что говорящие сотрудничают (значит при манипуляции сотрудничество имеет место на лингвистическом уровне, чего нельзя сказать о социальном уровне). Показательный пример ложь, для ее успешности необходимо, чтобы человек которому лгут, верил, что лжец уважает максимум Качества, иначе его намерение лгать будет раскрыто. Таким образом, манипулятор использует для достижения своих целей Принципы Сотрудничества и Вежливости.

В статье С. Сорлин также наблюдается противоположная позиция традиционных концепций Вежливости, понимаемой как коммуникативный альтруизм, направленный в первую очередь на спасение лица Другого, при вежливом общении другой человек считается бенефициаром, а говорящий – нет. Автор считает, что возможно использование тактики вежливости для манипулирования Другим с целью сделать то, что (в основном) отвечает интересам говорящего. Использование вежливости определенно направлено на избежание конфликта, поскольку цель не состоит в том, чтобы противодействовать Другому полностью [Sorlin, 2017].

А.С. Аكوпова [Акорова, 2013] также придерживается мнения, что в манипулятивном дискурсе создается скрытый, замаскированный слой лингвистических данных, который нелегко отделить от чисто информационного содержания.

Разоблачение факта манипуляции, как полагает автор, происходит через анализ таких параметров, как цель речевого общения, коммуникативное намерение, причина и мотив. Манипуляция – это прагматический аспект, который достигает своих целей без явного обнаружения коммуникативного намерения: говорящий сознательно выбирает такую форму высказывания, в которой отсутствуют прямые сигналы о его намеренном состоянии, то есть манипуляция реализуется, когда слушатель не видит скрытых намерений говорящего за тем, что на самом деле говорится. Собственно языковые характеристики самобытности манипулятивного дискурса, утверждает А.С. Аكوпова, выявить сложно, поскольку в целом они не выходят за рамки регулярной речевой практики, в то же время производить учет характерных языковых средств важно для описания и выявления манипулятивного дискурса. Язык предлагает говорящим целый арсенал средств для реализации манипулятивных целей, анализ языковых знаков разного уровня помогает интерпретировать намерения говорящего [Акорова, 2013].

Манипулятивный дискурс занимает положение между двумя крайними точками – легитимной (верной, полной) информацией и ложью. Ложь и манипуляция противопоставляются разным типам истины: ложь противостоит «семантической истине»; манипуляция противостоит «прагматической правде» [Акорова, 2013, p. 78-79].

По данным зарубежных ученых [Bonalumi et al., 2020], существует некоторое количество экспериментальных исследований представлений людей о лжи, которые показывают, что оценка того, была ли произнесена ложь, зависит от того, что имелось в виду, а не от того, что было сказано.

По утверждению С. Сорлин [Sorlin, 2017], ложь является случаем манипулятивного общения. В более общем смысле, обман (в том числе маскировка или сокрытие информации, сбивание с толку слушающего или ложь, хотя бы в результате упущения) воплощает собой прототипическое сокрытие намерений манипулятора.

Согласно Дж. Серлю, давая неискреннее обещание, коммуникант не имеет всех тех намерений и убеждений, которые имеются у него в случае искреннего, однако он ведет себя так, как будто они у него есть [Серль, 1986, с. 166].

Исследование Е.Э. Былиной показало [Былина, 2012, с. 20], в частности, что использование тактики обещания, заключающейся во взятии на себя говорящим обязательства совершить что-то благоприятное в будущем в адрес слушающего, повышает убедительность слов коммуниканта и помогает склонить общение в сторону кооперации, а значит, способствует достижению общей, единой цели.

Анализ, проведенный Е.Э. Былиной, выявил [Былина, 2011, с. 140], что неискреннее обещание, так же как и искреннее, «способствует приданию речи адресанта убедительности и помогает ему достичь преследуемые в ходе коммуникации цели». Е.Э. Былина заключает, что в отличие от кооперативного взаимодействия, учитывающего интересы адресата, при неискреннем стратегическом взаимодействии говорящий преследует свои цели, не принимая во внимание интересы слушающего [Былина, 2011, с. 141].

Таким образом, анализ литературы свидетельствует, что обещание, неискреннее в том числе, может способствовать убеждению, манипулятивному убеждению включительно, организовывая кооперативное общение, препятствуя развитию конфликта, который неизбежен, когда у общающихся противоположные цели.

Речевая тактика, речевой акт и речевая стратегия

Если при разграничении типов стратегий поставить во главу угла установку коммуникантов на кооперацию или наоборот, отсутствие такой установки, то можно выделить следующие два типа стратегий: «кооперативные и некооперативные (конфронтационные)». «К первому типу относятся стратегии одобрения, апологетики, утешения, уговоров и т.д., ко второму – стратегии дискредитации, ссоры и т.д.» [Иссерс, 2008, с. 70]. Как указывает О.С. Иссерс, в значении слова «стратегия» отражена «идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, противоборством» [там же, с. 55]. Автор определяет речевую стратегию, в том числе, как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [там же, с. 54]. «Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [там же, с. 110].

В совместной работе Е.Н. Малюги с зарубежным коллегой Б. Томалиным речевая тактика связывается с коммуникативным намерением говорящего. Тактика применяется для изменения параметров взаимодействия, всей речевой ситуации, в соответствии с намерениями говорящего [Malyuga et al., 2017, p. 33].

В упомянутом исследовании коммуникативная стратегия рассматривается как часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в котором различные вербальные и невербальные средства используются для достижения конкретной коммуникативной цели с учетом коммуникативной обстановки и личных характеристик участвующих в процессе общения субъектов [Malyuga et al., 2017, p. 35].

Как отмечает Н.Н. Горяинова, «тактика как отдельный речевой шаг привлекла ученых своей неопределенностью и неоднозначностью» [Горяинова, 2009, с. 48]. Автор, рассматривая речевую тактику в рамках теории речевых актов, приравнивает, вслед за Н.И. Формановской, использование определенной тактики к выбору речевого акта на конкретном этапе общения [Формановская, 1989].

Таким образом, можно не разделять понятия «речевая тактика» и «речевой акт» обещания.

«Под речевым актом понимается высказывание, порождаемое и произносимое человеком с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального, как правило, адресованного действия с помощью такого инструмента, как язык / речь» [Формановская, 2007, с. 256].

Речевые стратегии, в которых употребляется тактика обещания в детективном дискурсе

К. Хомутский [Khomutskii, 2016] в результате проведенного исследования выявил корреляцию между иллокутивной силой высказывания и видо-временными формами комиссивных глаголов. В частности, автор выяснил, что большинство предложений с *promise* относятся к будущему времени (80%), в то время как видо-временная форма настоящего – составляет только 20% всех примеров. Высокая частота будущих видо-временных форм глагола в предложении комиссивного *promise* может быть объяснена его значением, то есть сообщением кому-то, что вы обязательно что-то сделаете, что также объясняет отсутствие форм прошедшего времени [Khomutskii, 2016, p. 42].

Что касается типа синтаксических структур в предложениях анализируемых ученым комиссивов, то основная из них – это простая структура предложения (70% для глагола *promise*), которая преобладает над сложными (20%) и составными (10%) структурами предложений. Широкое использование простой структуры предложений автор объясняет основной особенностью диалоговой речи, в которой используются комиссивные речевые акты. Перформативная формула *I (hereby) verb-present-active X ...* является одной из характерных черт диалоговой речи, которая, в свою очередь, отличается простотой синтаксической конструкции [Khomutskii, 2016, p. 43].

В ходе исследования В. Лавал и Ж. Берникот было подтверждено, что с лингвистической точки зрения выражение *I promise* не является необходимой частью обещания, существуют и другие языковые формы, способные выполнять ту же функцию, например, *I am going to clean my room* или *I will clean my room*. Анализ привел ученых к выводу, что только языковые формы,

которые выражают будущее действие, считаются специфичными для обещаний [Laval et al., 1999, p. 180].

А.В. Антонова выявила, что «большинство говорящих предпочитают выражать интенцию обещания имплицитно, не прибегая к вербальным средствам ее экспликации (43%). Тем не менее достаточно велика (33%) часть говорящих, использующих для выражения промиссивной интенции классическую модель речевого акта, содержащую такой промиссивный экспликатор, как *перформативная формула*» [Антонова, 2004, с. 22-23] (курсив перенесен из источника).

Исследование обещания Былиной Е.Э. позволило выявить прототипическую конструкцию реализации обещания, это перформативная конструкция с глаголом *promise* и инфинитивным оборотом – *I promise to do smth* [Былина, 2012, с. 5].

При этом прототипическая конструкция, служащая для передачи обещания в речи, во-первых, должна эксплицитно выразить адресантом взятие на себя обязательства совершить что-то в пользу адресата в будущем, во-вторых, в ней эксплицитно должно быть выражено действие, подлежащее выполнению в ближайшем будущем, в-третьих, это действие должно быть благоприятным для адресата, в-четвертых, адресант и исполнитель обещанного действия должны быть кореферентны (адресант и исполнитель – представлены одним и тем же лицом) [Былина, 2012, с. 8].

Отклонения от прототипической конструкции по некоторым признакам не влекут за собой существенных отклонений от прототипической ситуации обещания, таким как: «эксплицитное выражение обещания» (обещание выражено не с помощью перформативного высказывания), «взятие на себя обязательства» (адресант берет на себя обязательство выполнить что-то с оговоркой *when* или *if*), «исполнитель обещанного действия» (исполнитель обещанного действия выражен не местоимением 1-го лица, ед.ч.), «адресат (говорящий адресует обещание самому себе)» – в этих случаях имеют место различные вариации речевого акта обещания, трансформации в какой-либо другой речевой акт не происходит [Былина, 2012, с. 8-10].

Наш анализ показал, что в романе Дэна Брауна «Происхождение / Origin» обещание реализуется посредством непрототипической конструкции, примеры конструкций, отклоняющихся от прототипической, служащие для выражения обещания, будут прокомментированы ниже.

Выделив фрагменты дискурса в романе Д. Брауна «Происхождение / Origin», содержащие обещание, и проанализировав их, мы пришли к заключению, что тактика обещания используется в них в рамках следующих стратегий: стратегии провокации адресата на определенные действия и стратегии сохранения добрых отношений. В вышеупомянутом обозначении стратегий мы опираемся на типологию Н.Н. Горяиновой [Горяинова, 2009], сформированную автором при анализе речевого акта одобрения и похвалы в различных речевых стратегиях.

Перейдем к анализу фрагментов дискурса. В следующем отрывке произведения мы можем наблюдать тактику обещания в стратегии сохранения

добрых отношений [Горяинова, 2009, с. 51], цель которой – содействие положительному развитию взаимоотношений (это могут быть разные отношения: рабочие, дружеские, рабочие и т.д.).

Произошло убийство, оно вселило страх за жизнь и безопасность свидетельницы преступления. Грозит разразиться конфликт между женихом девушки и его подчиненным, потому что последнему на самом деле неизвестно местоположение девушки, а значит он не может выполнить приказ обеспечить ей безопасность. Ему пришлось прибегнуть к лжи, чтобы избежать возможного конфликта, который мог разгореться ввиду существования реальной угрозы безопасности девушки, которую никто не защищает.

(2) Alone now, Garza took a deep breath and forced his features to relax, hoping to erase all traces of his growing anger and confusion. Calmly, he strolled back into the living room.

«All is well with Ms. Vidal», Garza announced with a smile as he entered. «**She'll be here later.** I'm headed down to the security office to confirm her transportation personally». Garza gave Julián a confident nod <...> [Brown, s.a.].

Из более расширенного контекста можно узнать, что командующий королевской гвардии Гарза только что получил информацию от своих подчиненных, что невеста принца скрылась с места происшествия. В представленном же отрывке адресант заверяет, что с девушкой все в порядке и обещает, что девушка будет в скором времени во дворце (*She'll be here later*. Здесь обещание реализуется с помощью конструкции, отклоняющейся от прототипической по признаку «эксплицитное выражение обещания» и «исполнитель обещанного действия». Адресант произносит: *She'll do smth*, но при этом имеет в виду: *I'll see that she does smth*, здесь имеет место именно обещание, потому что командующий королевской гвардии Гарза наделен властью, и он действительно может выполнить обещанное «проследить = доставить девушку куда требуется», а не просто заверяет, успокаивая собеседника), он делает это с целью сохранить лицо, не уронить доверие, оказанное ему королевской семьей, сохранить должность и т.д. Однако это обещание неискреннее, потому что местонахождение девушки в данный момент неизвестно гвардейцам и доставить ее в ближайшее время во дворец они явно не смогут.

В следующем отрывке тактика обещания используется в рамках стратегии провокации адресата на определенные действия, которая «применяется говорящим в случае необходимости воздействия на собеседника, с целью добиться от него выполнения определенных действий в интересах адресанта» [Горяинова, 2009, с. 52].

Во фрагменте наблюдается очень напряженный момент, грозящий вылиться в конфликт между участниками общения. Накал происходит из-за только что совершенного нового убийства. Оно вселило страх в персонажа Рабби Иегуда Кёвиш за свою жизнь. Мотив преступления на данном этапе сюжета – желание преступника сохранить в тайне грозящую быть обнародованной информацию. Автор пускает читателя по «ложному следу», делает подозреваемым невинного человека – Епископа Антонио

Вальдеспино, кажется он хочет заманить в ловушку своего друга Рабби и заставить замолчать навсегда.

(3) «I was watching on television! We need to go to the authorities right now and tell them what we know!»

«Rabbi», Valdespino replied, his tone measured. «I agree this is a horrifying turn of events. But before we take action, we need to think».

<...>

«Certainly, our safety is a consideration», the rabbi argued, «<...> I realize this discovery will call into question some fundamental religious beliefs, but if there is one thing I have learned in my long life, it is that *faith* always survives, even in the face of great hardship. I believe faith will survive *this* too, even if we reveal Kirsch's findings».

«I hear you, my friend», the bishop finally said, maintaining as even a tone as possible. «I can hear the resolution in your voice, and I respect your thinking. I want you to know that I am open to discussion, and even to being swayed in my thinking. And yet, I beseech you, if we are going to unveil this discovery to the world, let us do it *together* <...>».

«Rabbi», the bishop continued, «at the moment, the single most pressing issue is our personal safety. <...> I'm fearful for *you* in particular; <...> Please let *me* arrange for your protection, Yehuda». <...> «I have the security resources of the royal family at my disposal. <...> **I will request that two Guardia Real agents collect you and bring you to Madrid**, where we can make sure you are safe in the palace complex and where you and I can sit down face-to-face and discuss how best to move forward».

«If I come to Madrid», the rabbi said tentatively, «what if you and I cannot agree on how to proceed?»

«**We will agree**», the bishop assured him. «I know I am old-fashioned, but I am also a realist, like yourself. **Together we will find the best course of action.** I have faith in *that* ».

«And if your faith is misplaced?» Köves pressed.

<...> «Yehuda, if, in the end, you and I cannot find a way to proceed together, then **we will part as friends, and we will each do what we feel is best.** You have my word on that».

«Thank you», Köves replied. «On your word, **I will come to Madrid**».

«Good. In the meantime, lock your doors and speak to no one. Pack a bag, and **I'll call you with details** when I have them». Valdespino paused. «And have faith. I'll see you very soon».

Valdespino hung up, a feeling of dread in his heart; he suspected that continuing to control Köves would require more than a plea for rationality and prudence (Brown; курсив перенесен из источника).

Чтобы выиграть время, отложить обнаружение секретных сведений, Вальдеспино прибегает к различным тактикам в беседе.

Сначала адресант соглашается с мнением адресата (*I agree this is a horrifying turn of events*), выражает уважение к его мнению (*I respect your thinking*), заверяет в своей готовности к обсуждению (*I want you to know that I*

am open to discussion), взывая к чувству собственного достоинства, необходимости сохранить лицо – предлагает другие действия, с целью оттянуть время просит отложить действия оппонента (*But before we take action, we need to think; let us do it together*).

Дальше, хорошо осознавая уязвимое положение и страх товарища, предлагает через просьбу дать разрешение (*Please let me arrange for your protection, Yehuda.*) обеспечить ему безопасность. Затем сообщает, что в его распоряжении королевская служба безопасности и обещает дать распоряжения по обеспечению сохранности и друга тоже (*I will request that two Guardia Real agents collect you and bring you to Madrid.* Здесь обещание выражено с помощью конструкции, отклоняющейся от прототипической по признаку «эксплицитное выражение обещания». Конструкция, состоящая из личного местоимения первого лица единственного числа и смыслового глагола в *Future Simple Active*, служит для выражения обещания, а не конструкция с перформативным глаголом), если тот согласится приехать к нему и вступить в переговоры по обсуждению дальнейших действий.

Чтобы снять сомнения друга относительно возможности непрямого достижения ими согласия в этом деле, адресант обещает, что они совершат только те действия, которые будут положительными для них обоих (*We will agree; Together we will find the best course of action; we will part as friends, and we will each do what we feel is best.* Присутствуют отклонения по признакам «эксплицитное выражение обещания» и «исполнитель обещанного действия», но конструкцию можно признать выражающей обещание, потому что в данном случае обещанное не может быть выполнено лишь одним адресантом, вместо личного местоимения первого лица единственного числа – *I* употребляется местоимение первого лица множественного числа – *we* + глагол в *Future Simple* – адресант обязуется привести совместные с адресатом действия к благоприятному исходу). Но этого оказывается не совсем достаточно для убеждения, и адресанту приходится усилить обещанное до этого «своим честным словом» (*You have my word on that*), что в случае, если им не удастся прийти к единому мнению, они все равно останутся друзьями. На таких условиях адресат соглашается (*I will come to Madrid* – обещание, отклонение по признаку «эксплицитное выражение обещания»), адресанту удастся убедить его совершить действия, к которым он его побуждал.

Из примера видно, что обещание (а это всегда обещание чего-то благоприятного в будущем, что может исполнить адресант) используется там, где важно позитивное направление беседы и отношений, где не ущемляются интересы коммуниканта, а наоборот важно прислушаться к его нуждам и удовлетворить их (необходимость в безопасности, уважении чужого мнения, сохранении дружбы, как в примере). Цель обещания в данном примере – снять трудности, проявившиеся в ходе общения и препятствующие в достижении стратегической цели, причем кооперативной.

В рассмотренных нами выше примерах обещание используется совместно с другими тактиками (например, просьбы и заверения, как в примерах выше) в рамках стратегии в качестве стимула, направленного на достижение

определенной цели. Кроме этого, обещание может употребляться в качестве реакции на различные стратегии, то есть в дискурсе реагирования.

Тактика обещания в дискурсе реагирования

Обещание может выступать в качестве индикатора успешности какой-либо стратегии – согласия коммуниканта выполнить то, к чему его склоняли. Обещание во фрагменте ниже помогает избежать конфликта.

Атмосфера отрывка произведения накалена из-за совершенных преступлений. Автор все еще бросает подозрение на персонажа Епископа Вальдеспино. Во фрагменте дискурса это выражается в нарастающем страхе принца Хулиана за свою безопасность, который вынуждает его начать оказывать давление на епископа, чтобы тот разъяснил вызывающую сомнение и подозрение ситуацию. От нарастающего конфликта спасает согласие персонажа дать необходимые объяснения.

(4) As Julián pictured the deserted residence, he felt a sudden instinct for caution. He leaned forward and placed a firm hand on the shoulder of the acolyte behind the wheel. «Pull over here, please».

Valdespino turned, surprised. «We're almost—»

«I want to know what's going on!» the prince barked, his voice loud inside the small car.

«Don Julián, tonight has been tumultuous, but you must—»

«I must *trust* you?» Julián demanded.

«Yes».

Julián squeezed the shoulder of the young driver and pointed to a grassy shoulder on the deserted country road. «Pull over», he ordered sharply.

«Keep going», Valdespino countered. «Don Julián, **I'll explain—**» (Brown; курсив перенесен из источника).

Коммуникант склонял оппонента к разъяснению происходящего (провокация адресата на определенные действия; реализуется с помощью директивных речевых актов: *Pull over here, please; I want to know what's going on!; Pull over*), ему удалось достичь цели – он получил согласие, а именно обещание все объяснить (*I'll explain—* Отклонение по признаку «эксплицитное выражение обещания»).

Во фрагменте ниже обещание используется в скрытом отказе, а именно переносе выполнения того, к чему побуждают на другое время.

В предшествующем следующему отрывку контексте идет речь об убийстве, девушка располагает некоторыми неизвестными пока читателю сведениями, вынуждающими ее подозревать своего жениха. Автор таким образом возводит его в ранг «невинно подозреваемых». Девушка не доверяет жениху, но ее подозрения не проверены, она не готова к откровенному разговору, во избежание конфликта она уклоняется от общения с ним. Поэтому девушка переносит разговор на неопределенное время, не отказываясь совсем, но обещая перезвонить позже.

(5) Ambra seemed almost to recoil from the phone. «Tell him I'm fine», she replied. «**I'll call him in a little while**».

<...>

«I don't care if he's the prince», she fired back. «If he's going to be my *husband*, he will have to learn to give me space when I need it. I just witnessed a murder, and I need a minute to myself! Tell him **I'll call him shortly**». (Brown; курсив перенесен из источника).

Девушку побуждают сделать то, чего она не хочет, но она не отказывается совсем, а переносит выполнение на другое время (*I'll call him in a little while.*; *Tell him I'll call him shortly*. Отклонение по признаку «эксплицитное выражение обещания»). Обещание используется как что-то благоприятное, чтобы не дать отрицательно окрашенный отказ в случаях, когда для коммуниканта ситуация неясна и решение окончательно не принято.

Результаты

Наш анализ детективного дискурса на примере произведения Д. Брауна «Происхождение / Origin» позволил сделать следующие выводы. Неотъемлемой составляющей сюжета детектива является преступление (в данном случае – убийство), которое вселяет в персонажей страх, а также заставляет подозревать окружающих и с недоверием к ним относиться. Автор детективного романа поддерживает интригу в произведении, пуская читателя по многочисленным «ложным следам», заставляя подозревать «невинных», в результате в детективном дискурсе создаются скрытые конфликты, к которым приходят персонажи, испытывающие страх, подозрение и недоверие, тактика обещания сводит потенциально конфликтное взаимодействие в сторону кооперации. При этом коммуниканты также склонны прибегать к манипуляции, а именно неискреннему обещанию, так как это эффективный прием в достижении адресантом поставленной стратегической цели.

Заключение

В итоге мы решили поставленные в начале статьи задачи и достигли цели. Были выявлены жанрообразующие признаки детективного дискурса (базовыми являются стандартизованность и стереотипность персонажей и сюжета) и определены жанровые признаки, характерные для произведения Д. Брауна «Происхождение / Origin» (присутствуют персонажи: убийца, сыщик, помощник, свидетель и жертва; дискурсы персонажей «центрированы» на истине (сыщик) и лжи (убийца); сюжет разворачивается вокруг «Тайны», «Ложные следы» направлены на ответвления от сюжета).

Конфликт произведения Д. Брауна «Происхождение / Origin» состоит в противопоставлении двух противоположных начал, конфликт актуализируется противостоянием науки и религии, противоречия главных героев, убийцы и сыщика, неразрешимы. Отдельные, локальные, скрытые речевые конфликты, зарождающиеся вследствие жанровых особенностей детективного дискурса, сводятся к кооперативному взаимодействию за счет эффективного использования тактики обещания. Иными словами, мы выделили стратегии, в которых употребляется тактика обещания в детективном дискурсе (стратегию сохранения добрых отношений и стратегию провокации адресата на

определенные действия; обещание также может использоваться в дискурсе реагирования в качестве индикатора применения какой-либо стратегии), и определили роль обещания в потенциально конфликтном взаимодействии.

Таким образом, применение прагматического подхода к анализу конфликтных ситуаций представляется оправданным, было выявлено, что на прагматические особенности реализации тактики обещания в детективном дискурсе влияют жанровые характеристики соответствующего типа дискурса (стандартизованность сюжета и стереотипность персонажей, являющиеся причиной возникновения речевых конфликтов).

Материалы и результаты нашего анализа могут быть использованы при дальнейшем изучении произведений Д. Брауна, в которых контраст неизменно выступает в качестве идиостилевой доминанты автора; а также в последующих исследованиях детективного дискурса, как потенциально конфликтного.

Библиографический список

- Антонова, А. В.* Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Антонова. Самара, 2004. 28 с.
- Арутюнова, Н. Д.* Дискурс // Языкознание. Большой Энциклопедический □ Словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136-137.
- Боброва, Е. Д.* Языковой механизм выражения речевых актов на материале комиссивов английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 66-73.
- Бочкарева, Н. С.* Современное искусство в романе Дэна Брауна «происхождение» (интермедиаальный анализ одной главы) / Н. С. Бочкарева, Б. В. Миланичев // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020а. № 4(57). С. 36-40.
- Бочкарева, Н. С.* Функции музея современного искусства в романе Дэна Брауна «происхождение» / Н. С. Бочкарева, Б. В. Миланичев // Мировая литература в контексте культуры. 2020б. № 11(17). С. 95-102.
- Былина, Е. Э.* Прагматика обещания в современном англоязычном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.Э. Былина. Иркутск, 2012. 20 с.
- Былина, Е. Э.* Стратегичность неискреннего обещания // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3(15). С. 135-141.
- Варлакова, Е. А.* Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Варлакова. СПб., 2012. 21 с.
- Ватолина, Т. Г.* Когнитивная модель детективного дискурса: на материале англоязычных детективных произведений 18-20 вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.Г. Ватолина. Иркутск, 2011. 22 с.
- Георгинова, Н. Ю.* Детективный жанр: Причины популярности // Научный диалог. Екатеринбург: «Ажур», 2013. Вып. 5. № 17. С. 173-186.
- Горяинова, Н. Н.* Стратегии и тактики говорящего в речевых актах похвалы // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2009. № 62. С. 47-53.
- Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
- Каразия, Н.А.* Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2006. № 2 (8). С. 72-88. [Электронный ресурс]. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskoe-issledovanie-konfliktnogo-diskursa> (дата обращения: 11.06.2021).
- Карасик, В. И. Комиссив как поступок: лингвокультурные характеристики // Жанры речи. 2016. № 2. С. 56-66
- Кестхейи, Т. Анатомия детектива: следствие по делу о детективе. Пер. с венг. Е. Тумаркиной. Будапешт: Корвина, 1989. 261 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://detective.gumer.info/txt/kestheji.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).
- Лесков, С. В. Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С.В. Лесков. СПб., 2005. 23 с.
- Мамсурова, З. Р. Конфликт как когнитивно-коммуникативное пространство // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 28 (739). С. 98-103.
- Мельничук, О. А. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) / О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 156-167.
- Оганян, Н. Б. Системные антонимы в произведениях Дэна Брауна // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 148-156.
- Оганян, Н. Б. Тексты Дэна Брауна как сфера антонимической аттракции // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 3. С. 87-95. DOI 10.18522/1995-0640-2016-3-87-95.
- Прима, А. М. Текст – дискурс – жанр сквозь призму детектива // Язык в различных сферах коммуникации. Материалы II Международной научной конференции. Сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 216-217.
- Сейранян, М. Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй: монография. / под науч. ред. С.Б. Серяковой. М.: МПГУ, 2016. 244 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=471235> (дата обращения: 11.06.2021).
- Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151-169.
- Склярова, Е. Ю. Особенности передачи лингвокультурологических характеристик идиостиля при переводе (на материале романа Д. Брауна «код да Винчи») / Е.Ю. Склярова, И.В. Самарина // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 76-84. DOI 10.17516/2311-3499-102.
- Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия УрГУ. 2003. № 27. С. 143-152. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24085/1/iurp-2003-27-16.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).
- Филистова, Н. Ю. Структура и семантика детективного нарратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.Ю. Филистова. Тюмень, 2007. 30 с.
- Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 408 с.
- Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.
- Чемодурова, З. М. Игра в постмодернистском детективе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38). Ч. II. С. 184-188.
- Akopova, A. S. Linguistic manipulation: definition and types. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2013. № 2. Pp. 78-82. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/linguistic-manipulation-definition-and-types> (дата обращения: 25.08.2021).
- Arundale, R. B. Toward a pragmatics of relating in conversational interaction. *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 179. Pp. 19-25. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.04.018>.
- Bonalumi, F., Scott-Phillips, T., Tacha, J., Heintz, C. Commitment and communication: Are we committed to what we mean, or what we say? *Language and Cognition*, 2020. No. 12(2), Pp. 360-384. doi:10.1017/langcog.2020.2
- Brown, D. Origin. Available at: <http://lingualeo.com/ru/jungle/dan-brown-origin-561032#/page/1> (accessed 11 June 2021).

- de Ponte, M. Promises, the present and “now”. Lessons from Austin, Prior and Kamp. *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 112. Pp. 33-43. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.02.004>.
- Fomin, A.G., Yakimova, N.S. Communication Strategies in Conflict Discourse: Cross-cultural Experimental Research. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 236. Pp. 65-70. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.021>.
- Ingram, C., Themistocleous, Ch., Rickly, J.M., McCabe, S. Marketing ‘Literary England’ beyond the special interest tourist. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. 2021. Vol. 2. Issue 2. 100018. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2021.100018>.
- John, P., Brooks, B., Schriever, U. Speech acts in professional maritime discourse: A pragmatic risk analysis of bridge team communication directives and commissives in full-mission simulation. *Journal of Pragmatics*. 2019. Vol. 140. Pp. 12-21. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.11.013>.
- Johnson, J.A., Carroll, J., Gottschall, J., Kruger, D. Portrayal of personality in Victorian novels reflects modern research finding but amplifies the significance of Agreeableness. *Journal of Research in Personality*. 2011. Vol. 45. Issue 1. Pp. 50-58. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.11.011>.
- Khomutskii, K. Temporal and aspectual forms of verbs in proposition of commissive speech acts: the case of promise, swear and bet. *Journal Of Language And Education*. 2016. Vol. 2. No 4 (8). Pp. 39-45.
- Koolen, C., van Dalen-Oskam, K., van Cranenburgh, A., Nagelhout, E. Literary quality in the eye of the Dutch reader: The National Reader Survey. *Poetics*. 2020. Vol. 79. 101439. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101439>.
- Laval, V., Bernicot, J. How French speaking children understand promises: the role of the future tense. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1999. Vol. 28. No. 2. Pp. 179-195.
- Levko, O. Precedent Units as a Means of Manipulation in Ukrainian Religious Media Discourse: Psycholinguistic Approach. *Psycholinguistics*. 2020. No. 28 (2), Pp. 99-127. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2020-28-2-99-127>
- Malyuga, E. N., Tomalin, B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. *Training, Language and Culture*. 2017. No. 1(1), Pp. 28-45. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.2
- Oatley, K. Fiction: Simulation of Social Worlds. *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20. Issue 8. Pp. 618-628. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.06.002>.
- Sorlin, S. The pragmatics of manipulation: Exploiting im/politeness theories. *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 121. Pp. 132-146. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.10.002>.
- van Es, N., Reijnders, S. Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes’ London, Philip Marlowe’s Los Angeles and Lisbeth Salander’s Stockholm. *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 57. Pp. 113-125. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2015.11.017>.

References

- Akopova, A. S. (2013). Linguistic manipulation: definition and types. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. No. 2. Pp. 78-82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/linguistic-manipulation-definition-and-types> (accessed 25 August 2021). (in Russian).
- Antonova, A. V. (2004). The intention of a promise and the means of expressing it in English: dis. ... cand. philol. sciences. Samara. 28 p. (in Russian).
- Arundale, R. B. (2021). Toward a pragmatics of relating in conversational interaction. *Journal of Pragmatics*. Vol. 179: 19-25. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.04.018>. (in English).
- Arutyunova, N. D. (1998). Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Edited by V.N. Yarceva. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: 136-137. (in Russian).
- Bobrova, E. D. (2013). Language mechanisms to express commissive speech acts in English. *RUDN Journal of Language studies, Semiotics and Semantics*. No. 1: 66-73. (in Russian).

- Bochkareva, N. S., Milanichev, B.V. (2020a). Contemporary Art in Dan Brown's novel "Origin" (one-chapter intermediate analysis). *Vestnik BSPU M. Akmully.* No. 4(57): 36-40. (in Russian).
- Bochkareva, N. S., Milanichev, B. V. (2020b). Functions of the Museum of Contemporary Art in Dan Brown's novel "Origin". *World literature in the context of culture.* Issue 11(17): 95-102. (in Russian).
- Bonalumi, F., Scott-Phillips, T., Tacha, J., Heintz, C. (2020). Commitment and communication: Are we committed to what we mean, or what we say? *Language and Cognition.* No. 12(2): 360-384. doi:10.1017/langcog.2020.2 (in English).
- Brown, D. Origin. Available at: <http://lingualeo.com/ru/jungle/dan-brown-origin-561032#/page/1> (accessed 11 June 2021). (in English).
- Bylina, E. E. (2011). The strategic character of insincere promises. *Vestnik IGLU.* No. 3(15): 135-141. (in Russian).
- Bylina, E. E. (2012). The pragmatics of promise in modern English-language discourse: dis. ... cand. philol. sciences. Irkutsk. 20 p. (in Russian).
- Chemodurova, Z. M. (2014). Game in a post-modernist detective story. *Philology. Theory & Practice.* Tambov, Gramota. No. 8 (38). Part. 2: 184-188. (in Russian).
- de Ponte, M. (2017). Promises, the present and "now". Lessons from Austin, Prior and Kamp. *Journal of Pragmatics.* Vol. 112: 33-43. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.02.004>. (in English).
- Filistova, N. Yu. (2007). The structure and semantics of detective narrative: dis. ... cand. philol. sciences. Tyumen. 30 p. (in Russian).
- Fomin, A. G., Yakimova, N. S. (2016). Communication Strategies in Conflict Discourse: Cross-cultural Experimental Research. *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* Vol. 236: 65-70. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.12.021>. (in English).
- Formanovskaya, N. I. (2007). Speech interaction. Communication and pragmatics. Moscow, Ikar: 408 p. (in Russian).
- Formanovskaya, N. I. (1989). Speech etiquette and communication culture Moscow, Vysshaya shkola: 159 p. (in Russian).
- Georginova, N. Y. (2013). Crime fiction: Causes of popularity. *Nauchnyi dialog.* Ekaterinburg, "Azhur". Issue 5. No. 17: 173-186. (in Russian).
- Goriainova, N. N. (2009). Strategies and tactics of speaker in speech acts of praise. *Vestnik STAVSU, Philological Sciences.* No. 62: 47-53. (in Russian).
- Ingram, C., Themistocleous, Ch., Rickly, J.M., McCabe, S. (2021). Marketing 'Literary England' beyond the special interest tourist. *Annals of Tourism Research Empirical Insights.* Vol. 2. Issue 2. 100018. <https://doi.org/10.1016/j.annale.2021.100018>. (in English).
- Issers, O. S. (2008). Communication strategies and tactics of Russian speech. Moscow, Editorial LKI. 288 p. (in Russian).
- John, P., Brooks, B., Schriever, U. (2019). Speech acts in professional maritime discourse: A pragmatic risk analysis of bridge team communication directives and commissives in full-mission simulation. *Journal of Pragmatics.* Vol. 140: 12-21. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2018.11.013>. (in English).
- Johnson, J. A., Carroll, J., Gottschall, J., Kruger, D. (2011). Portrayal of personality in Victorian novels reflects modern research finding but amplifies the significance of Agreeableness. *Journal of Research in Personality.* Vol. 45. Issue 1: 50-58. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.11.011>. (in English).
- Karasik, V. I. (2016). Commissive as a behavioral action: linguistic and cultural features. *Speech genres.* No. 2: 56–66. (in Russian).
- Karaziya, N. A. (2006). Pragmatic research of conflict discourse. *Bulletin KRASEC, The Humanities.* Petropavlovsk-Kamchatsky, KamGU im. Vitusa Beringa. No. 2 (8): 72-88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskoe-issledovanie-konfliktного-diskursa> (accessed 11 June 2021). (in Russian).

- Keszthelyi, T.* (1989). Anatomy of a detective: investigation into a detective case. Translated from Hungarian by E. Tumarkina. Budapest, Corvina. 261p. Available at: <http://detective.gumer.info/txt/kestheji.pdf> (accessed 11 June 2021). (in Russian).
- Khomutskii, K.* (2016). Temporal and aspectual forms of verbs in proposition of commissive speech acts: the case of promise, swear and bet. *Journal of Language and Education*. Vol. 2. No. 4 (8): 39-45. (in English).
- Koolen, C., van Dalen-Oskam, K., van Cranenburgh, A., Nagelhout, E.* (2020). Literary quality in the eye of the Dutch reader: The National Reader Survey. *Poetics*. Vol. 79. 101439. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2020.101439>. (in English).
- Laval, V., Bernicot, J.* (1999). How French speaking children understand promises: the role of the future tense. *Journal of Psycholinguistic Research*. Vol. 28. No. 2: 179-195. (in English).
- Leskov, S.V.* (2005). Lexical and structural-compositional features of a psychological detective: dis. ... cand. philol. sciences. St. Petersburg. 23 p. (in Russian).
- Levko, O.* (2020). Precedent Units as a Means of Manipulation in Ukrainian Religious Media Discourse: Psycholinguistic Approach. *Psycholinguistics*. No. 28 (2): 99-127. <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2020-28-2-99-127> (in Ukrainian).
- Malyuga, E. N., Tomalin, B.* (2017). Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. *Training, Language and Culture*. No. 1(1): 28-45. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.2 (in English).
- Mamsurova, Z. R.* (2015). Conflict as cognitive and communicative space. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities*. No. 28 (739): 98-103. (in Russian).
- Melnichuk, O. A., Melnichuk, T. A.* (2012). Strategies of the detective discourse in A. Christie's novels. *Journal of Psycholinguistics*. No. 15: 156-167. (in Russian).
- Oatley, K.* (2016). Fiction: Simulation of Social Worlds. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 20. Issue 8: 618-628. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2016.06.002>. (in English).
- Oganian, N. B.* (2014). System antonyms in the works of Dan Brown. *Proceedings of Southern Federal University, Philology*. No. 3: 148-156. (in Russian).
- Oganyan, N. B.* (2016). Dan Brown's texts as a sphere of antonymic attraction. *Proceedings of Southern Federal University, Philology*. No. 3: 87-95. DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-87-95. (in Russian).
- Prima, A. M.* (2016). Text – discourse – genre in the light of the detective. *Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Language in various fields of communication. Proceedings II International Scientific Conference). Compiled by T.Yu. Ignatovich, Yu.V. Biktimirova. Chita, ZaBGU: 216-217. (in Russian).
- Searle, J.R.* (1986). What is a speech act? *New in foreign linguistics*. Issue 17. Moscow, Progress: 151-169. (in Russian).
- Sejranyan, M. Y.* (2016). Konfliktnyj diskurs i ego prosodicheskij stroj [Conflict discourse and its prosodic system]: monograph. under scientific. ed. S.B. Seryakova. Moscow, MPGU: 244 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=471235> (accessed 11 June 2021). (in Russian).
- Sklyarova, E. Yu., Samarina, I. V.* (2020). The realization of linguistic and cultural characteristics of individual style in translation (based on the material of D. Brown's novel "The da Vinci code"). *Ecology of Language and Communicative Practice*. No. 1: 76-84. DOI: 10.17516/2311-3499-102. (in Russian).
- Sorlin, S.* (2017). The pragmatics of manipulation: Exploiting im/politeness theories. *Journal of Pragmatics*. Vol. 121: 132-146. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.10.002>. (in English).
- Tretiakova, V. S.* (2003). Conflict as a phenomenon of language and speech. *Izvestia. Ural Federal University Journal*. No. 27: 143-152. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24085/1/iurp-2003-27-16.pdf> (accessed 20 August 2021). (in Russian).
- van Es, N., Reijnders, S.* (2016). Chasing sleuths and unravelling the metropolis: Analyzing the tourist experience of Sherlock Holmes' London, Philip Marlowe's Los Angeles and

Lisbeth Salander's Stockholm. *Annals of Tourism Research*. Vol. 57: 113-125. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2015.11.017>. (in English).

Varlakova, E. A. (2012). Text-typological characteristics of an English-speaking detective of the 20th century: dis. ... cand. philol. sciences. St. Petersburg. 21 p. (in Russian).

Vatolina, T. G. (2011). The cognitive model of detective discourse: on the material of English-language detective works of the 18-20 centuries: dis. ... cand. philol. sciences. Irkutsk. 22 p. (in Russian).